

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CHANGING WORLD

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.019
УДК 811.161.1'373.61 + 81'373.43:616.98 +
+ 82-7

Н. А. Купина
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

В статье на материале извлечений из текстов СМИ и живой разговорной речи рассматривается карнавализация русского языка в эпоху пандемии коронавируса (март — начало декабря 2020 г.). С опорой на концепцию карнавализации М. М. Бахтина и обобщения Д. С. Лихачева о народной смеховой культуре исследуется феномен карнавализации в современном преломлении. Установлено, что карнавал по-русски ассоциируется с волей. В ситуации *новой коронавирусной нормальности* в языке формируется пласт тревожной лексики, которая стимулирует взрыв словотворчества и смысловотворчества. Доказано, что формой сопротивления тревожной реальности является массовый лингвокреатив. Систематизированы потенциальные новообразования и окказионализмы, а также нестандартные метафоры. Словесные новации выступают как средства создания комического эффекта, характеристики и аксиологической оценки реальности, а также как средства диагностики болевых точек коронавирусного пространства и психотерапии. Выявлена сформировавшаяся в языковой картине мира темпоральная модель, отражающая несовершенство мира: коронавирусное продленное настоящее; докоронавирусное прошлое; посткоронавирусное будущее, которое мыслится как желаемое возвращение к прошлому (лозунг *Вперед в будущее!*). В ходе анализа описан пласт новообразований-композиций с первой частью *корона-*. Для специальной интерпретации выделены креативные операции со словами, примыкающими к ядру тревожной лексики (*путинкулы, полный карантинец* и др.). Особый объект анализа — группа разговорных слов, заменяющих деловые стандарты (*дистанционка, удаленка, запрещенка*), а также новообразования, расширяющие словообразовательное гнездо с вершиной *маска*. Отмечено развитие коронавирусной литературы, охарактеризованы новые онлайн-технологии, которыми

овладевают деятели культуры, искусства, образования. Описан сопровождающий карнавализацию русского языка аксиологический взрыв.

К л ю ч е в ы е с л о в а: карнавализация; смех; народное смеховое начало; слово-творчество; смысло-творчество; сопротивление; воля; массовый лингвокреатив; новая нормальность; аксиологический лексикон

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Ц и т и р о в а н и е: *Купина Н. А.* Карнавализация русского языка в эпоху пандемии коронавируса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 280–292. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.019>

Поступила в редакцию: 08.12.2020

Принята к печати: 22.01.2021

Natalia A. Kupina

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

CARNIVALISATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE ERA OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

This article studies the carnivalisation of the Russian language in the era of the coronavirus pandemic (March–early December 2020) based on extracts from media texts and live colloquial speech. The phenomenon of carnivalisation is analysed with reference to M. M. Bakhtin's concept of carnivalisation and D. S. Likhachev's generalisations about the folk culture of laughter. It is established that the Russian carnival is associated with will. In the situation of a new "coronavirus normality", the language forms a layer of anxiety vocabulary, which stimulates word and meaning coinage. It is proved that mass linguistic creativity is a form of resistance to disturbing reality. The author systematises potential neologisms, nonce words, and non-standard metaphors. Word innovations act as a means of creating a comic effect, characterisation, and axiological assessment of reality, as well as a means of diagnosing the tender points of the coronavirus space and a means of psychotherapy. The author distinguishes a temporal model formed in the linguistic worldview which reflects the imperfection of the world: the extended present of the coronavirus; pre-coronavirus past; post-coronavirus future which is conceived as a desired return to the past (the slogan *Вперед в будущее!*). As part of the analysis, the author describes a layer of new compound word-formations with *корона-* as the first component. Also, she pays special attention to the interpretation of words close to the core of anxiety vocabulary (*путинкулы, полный карантинец*, etc.). A unique object of analysis is a group of colloquial words that replace business standards (*дистанционка, удаленка, запрещенка*), as well as neologisms that expand

the number of derivatives of the word *маска*. The author points out the development of coronavirus literature and characterises new online technologies studied by literature, art, and education specialists. Finally, the article describes the axiological explosion accompanying the carnivalisation of the Russian language.

Key words: carnivalisation; laughter; folk laughter potential; word coinage; meaning coinage; resistance; will; mass linguistic creativity; new normality; axiological vocabulary

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the *Russian Foundation for Basic Research* in the framework of the research project 19-012-00399 A “The Axiological Potential of the Modern Russian Metaphor”.

For citation: Kupina, N. A. (2021). Karnavalizatsiia russkogo iazyka v epokhu pandemii koronavirusa [Carnivalisation of the Russian Language in the Era of the Coronavirus Pandemic]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 280–292. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.019>

Submitted: 08.12.2020

Accepted: 22.01.2021

Предварительные замечания

Слово *карнавал* (дословно *carne* ‘мясо’ + *vale* ‘прощай’) является активным во всех европейских языках. Общее значение — «народное празднество с шествиями, уличными маскарадами». Название праздника укрепилось в итальянском языке в конце XIII в.: карнавал был «официально приурочен к празднованию Масленицы, после которой начинался пост (с запретом на мясные продукты)» [Крысин, с. 340]. Изначально противопоставлены веселый, свободный праздник и жесткий запрет. В языковом сознании с карнавалом ассоциируются шум, веселье, неудержимый смех, нечто яркое, пестрое, контрастное. Деталь, уточняющая зрительное восприятие карнавала, — маска.

Филологами специально исследуется связанная с народным смеховым началом карнавализация (термин введен М. М. Бахтиным) языка, стиля, сюжета литературного произведения. Д. С. Лихачев пишет: «Разумеется, сущность смешного остается во все века одинаковой, однако преобладание тех или иных черт в “смеховой культуре” позволяет различать в смехе национальные черты и черты эпохи» [Лихачев, с. 9].

В статье рассматривается народное смеховое начало, сопровождающее карнавализацию русского языка в период пандемии коронавируса. Материалы извлечены из текстов СМИ, а также непринужденных диалогов горожан (март — начало декабря 2020 г.).

«Смех, будучи амбивалентным, не отрицает серьезности, очищает и восполняет ее. Очищает <...> от элементов страха или утраченного, от глупой истощенности» [Бахтин, с. 137]. Народное смеховое начало — это прежде всего буйство чувств, стихийное ощущение свободы.

Карнавал по-русски

В лексической системе русского языка закреплены синонимы *свобода, воля*. Воля осмысливается как свобода без препятствий, независимость, неподвластность; отсутствие ограничений при осознании объективного существования границ, за пределы которых душа стремится вырваться (устойчивое сочетание *вырваться на волю*). Ловушка, решетка, клетка — закрепленные в текстах фольклора и русской литературы символы несвободы, неволи: «На волю птичку выпускаю / при светлом празднике весны» (А. С. Пушкин, «Птичка»). Воля — это широкое пространство: «Есть разгуляться где на воле!» (М. Ю. Лермонтов, «Бородино»).

Словообразовательное гнездо с вершиной *воля* включает более 130 единиц [Тихонов, т. 1, с. 189–190]. Карнавал утверждает право на волю, *вольнодумство*, на отступления от правил, норм, запретов, законов. В атмосфере карнавала человек получает возможность поступать по собственному желанию. Частотны в речи ментально-специфические устойчивые словосочетания *вольному — воля, по своей воле, по вольной воле, наша добрая воля, плыть по воле волн* (стихийно), *рваться на волю, дать волю чувствам, фантазии, языку*. Ср.: *против моей воли*. Вольная воля «освобождает сознание от власти официального мировоззрения, позволяет взглянуть на мир по-новому» [Бахтин, с. 301], преодолеть страх.

«Тревожная» лексика

В ситуации социального напряжения ярко проявляется словоцентризм русской культуры. Вызванное пандемией стрессовое состояние российского общества диагностируют «ключевые слова текущего момента» [Шмелева]. Начиная с первых месяцев 2020 г. высокочастотными становятся «тревожные» слова, приобретающие отрицательную аксиологическую маркированность: *COVID-19 / ковид, коронавирус, корона, вирус, пандемия, эпидемия, режим, чрезвычайное положение, изоляция / самоизоляция, карантин, дистант, каникулы, маска, локдаун*. Высокой частотностью обладают лексемы *вирус, ковид*. Они находятся в ядре тревожной лексики и вызывают у людей панические настроения, страх, депрессию. Распространенное оценочное суждение: *Эпидемия коронавируса сопровождается эпидемией страха и паники*. Тревожные метафорические высказывания: *Всадник коронавируса пронесся по всему миру* (ТВЦ, 25.09.2020); *Страх перед пандемией ураганом проносится по российским регионам* (ЭМ, 27.10.2020).

Федеральные и региональные СМИ конкретизируют источники эпидемии страха: *Люди паникуют, не понимая, как им добиться медицинской помощи и как лечиться. А слухи из разряда «Вот это лекарство помогает от коронавируса, но его нет уже ни в одной аптеке» еще больше разжигают эту панику и дополняют опасный «букет» возмущения тех, кто не может получить обычную медицинскую помощь, так как многие больницы снова отдают под коронавирусных больных* (ОГ, 31.10.2020).

Массовый лингвокреатив

Формой сопротивления тревожной реальности является массовый лингвокреатив [см.: Ремчукова], а именно языковая игра с планом выражения и планом содержания языковых знаков, соединенная с поиском приемов преобразования канонических языковых структур [см.: Гридина, с. 33–63]. Разрушение ассоциативных стереотипов, сознательное отступление от норм, новизна формы, неожиданные образные параллели направлены на достижение комического эффекта. Объект лингвокреативной обработки — ключевые слова, включенные в ситуацию пандемии коронавируса. Смеховая стихия осложняется тем, что новообразования и нестандартные метафоры выступают: а) как средства диагностики и терапии, характеристики и оценки реальности; б) как средства прогностики. Значения новообразований, как правило, понятны вне контекста. Особую частотность приобрело потенциальное прилагательное *ковидный*, вошедшее в язык. Высокой степенью обобщенности характеризуется синтагма *ковидный мир (ковидомир)*, обозначающая и характеризующая выход пандемии за пределы России: **Ковидомир**, с которым мы неожиданно столкнулись, такой странный, что поневоле теряешься. Конкретизируют новую нормальность сочетания отмеченного прилагательного, конкурирующие со сложными существительными: *ковидные пациенты — ковидопациенты; ковидные нарушения — ковидонарушения; ковидный госпиталь — ковидогоспиталь*. В отдельных случаях зафиксированы только сложные существительные: *ковидовопросы, ковидопроблемы, ковидокризис, COVID-налог (ковидоналог)*. Выделим редкие, в том числе метафорические, сочетания прилагательного *ковидный*: *ковидная десятка регионов* (РГ, 01.11.2020); *Российские туристы на Острове свободы попали в ковидный плен* (Там же); *ковидный шторм*. Укорененность прилагательного в системе языка подтверждается приставочными производными *антиковидный, противокovidный*: *Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев обязал таксис установить **противокovidные** пластиковые перегородки* (РГ, 06.11.2020).

В речевую ткань высказываний и текстов внедряются поддерживающие эффект неожиданности окказионализмы. Например: *ковидео, ковидобесия, ковидарность*.

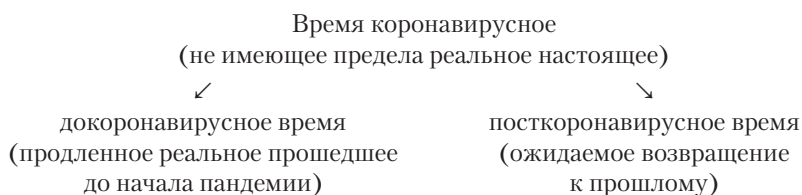
Сквозным в текстах СМИ является мотив персонального сопротивления, емко обозначенный в газетной рубрике «КОВИД И ИНДИВИД». Существительные лица типа *ковидобунтарь(-и), ковидомошенник(-и), ковидохакер(-ы)* вскрывают развивающиеся практики сопротивления запретам. В ситуации пандемии трансформируется идея диссидентства: *ковидодиссидент(-ы)*. Неодобрительно оценивается бездумный, необоснованный протест: *ковидиот(-ы), ковидиотизм*, а также отрицание самого факта существования вируса. Врач Владимир Вечерко резонно замечает: «Заявлять об отступлении пандемии могут лишь те, кто во время нашествия коронавируса не был в нашей шкуре» (РГ, 18.09.2020). Между тем распространение недостоверной информации приобретает характер *инфодемии*, а *коварный ковид* продолжает свирепствовать.

Как показывают примеры (*Что может остановить цунами COVID-19 в России?* (РГ, 13.11.2020); *COVIDомир*; *Коронавирус и другие инфекции: СоVarные реалии мировых эпидемий* — название книги А. Сазонова (М., 2020)), ключевое слово и в изолированном виде, и в составе сложных слов передается не только кириллицей, но и латиницей. Графический конфликт — одна из примет карнавализации русского языка.

Лексема *ковид* / *Covid* стала интернациональной: «КОВИД ПОПАЛ В СЛОВАРЬ». В Германии вышло обновленное издание главного словаря немецкого языка *Duden*. В него вошло три тысячи новых слов. Среди них, конечно же, «ковид» — главная примета времени (РГ, 01.08.2020).

Модель времени

Карнавал — это мир наоборот — *новый мировой беспорядок*. Течение времени включено в триаду: *время докоронавирусное* → *коронавирусное* → *посткоронавирусное*. При этом «оба аспекта мира — серьезный и смеховой — сосуществуют и взаимно отражают друг друга» [Бахтин, с. 136]. К концу 2020 г. в языковой картине мира сложилась особая темпоральная модель:

Вирусокосный 2020 год — лишь точка на шкале настоящего. Прекрасное будущее мыслится как доковидное прошлое. Парадоксальность, присущая карнавалу, поддерживается лозунгом «ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ!» и утвердительным высказыванием «ВЧЕРА НЕ НАСТУПИТ НИКОГДА».

Наблюдается всплеск новообразований-композигов с первой частью *корона-*: *коронакризис*, *коронаспрос*, *коронаэкономика*, *коронаоблигации*, *коронафейки*, *коронатрюки*, *коронадвижение*, *короназараза*, *коронаволна*, *короналексика*, *коронасленг*, *коронаскептик(-и)*, *коронапофигисты*. «Игра на гранях языка» [Норман] проявляется в намеренном разделении компонентов лексемы *коронавирус*. Одна из примет языкового существования — свойственный народной смеховой лингвокультуре «синтаксический и смысловой параллелизм» [см.: Лихачев, с. 28], который наблюдается, например, в ставших расхожими шутливо-иронических выражениях: *Вирус есть. А где корона?*; *Кому корона, а кому вирус*. Усиливается связь с однокоренными глаголами *короновать*, *раскороновать*: *Арбидол раскороновали: это лекарство не спасет от ковида*.

Новые слова поддерживают атмосферу неразберихи, беспорядка, хаоса: *Россия поразила макаронновирус*. *Участились набеги покупателей на торговые сети*.

Уже в конце февраля распространился **чехомодановирус**: богатенькие россияне хотят поскорее вернуться из Куршевеля на родину. Ирония — устойчивая примета карнавала. Параллельно отметим, что в двух последних случаях проявляется орфографическое сопротивление носителей книжной культуры, отстаивающих соблюдение правила написания сложных слов с соединительной гласной -о-.

В пространство карнавального словотворчества включаются слова, прилегающие к ядру тревожной лексики. Например: карантин + каникулы → карантикулы, Путин + каникулы → путинкулы. Приведенные окказионализмы преодолевают запрет, связанный с нормативными механизмами словообразования. Это касается также графикации: КАРА^нтин.

Языковая свобода, которая является одной из главных примет карнавализации языка, ощущается и в использовании шутливо-разговорных вариантов литературно-книжных слов: дистантное обучение — дистанционка, сокращенный рабочий день — сокращенка, удаленная работа — удаленка. Например: Большая часть сотрудников переведена на удаленку; Немецкая компания будет рассчитывать зарплату сотрудников на удаленке не по часам, а по их производительности; Диагноз по удаленке (о телемедицине); Иностранных студентов точно ждет удаленка. Японские депутаты не готовы к удаленке (РГ, 24.08.2020); Алёнка, как тебе на удаленке? Деловой стандарт — синтагма нарушение запрета — конкурирует с разговорным новообразованием запрещенка: ГЕРМАНИЯ. Рояль попал в «запрещенку» (РГ, 24.08.2020). Некоторые небольшие магазины потихоньку работают, зазывают покупателей (апрель). Нарушают запрет владельцы парикмахерских, баров, кафе. Запрещенка не указ некоторым молодым людям: Алёнка, рванем на запрещенку! Трансформируются фольклорные персонажи, включенные в ситуацию карантина и изоляции: сестрица Удалёнушка и братец Диванушка. Сидящие в жоперти дистанционники, изолянцы, самоизолянты, сидидомцы, пенсионники противопоставляются беспечным, ветреным погулянцам. «Смеховые знаки», включенные в гротескную смеховую ситуацию, «становятся грустной реальностью» [Лихачев, с. 68].

Как отмечалось, наблюдается расширение словообразовательного гнезда с вершиной маска. Так, поход в магазин в период пандемии — обязательная картинная деталь карнавала — воспринимается как маски-шоу. Маска напоминает намордник, а фанатичное подчинение масочному режиму характеризуется гиперболически — как маскобесие. Между тем зоркий глаз замечает в общественных местах не только голомордых, но и хитрецов, которые прикрываются псевдомасками — шарфиками и другими средствами, не способствующими защите. Строгий масочный режим стал тотальным по всей стране. Так, в общественном транспорте контролеры вынуждены пресекать не только безбилетный, но и безмасочный проезд (ТВЦ, 10.11.2020). Например, в Екатеринбурге стали останавливать движение общественного транспорта из-за противников масок (ОГ, 09.11.2020). Пассажиры в масках не желают дышать одним ковидным воздухом с теми, кто без масок. Однако диссиденты-маскоборцы не сдаются: Масочный режим сохраняется, но погода хорошая. Народ вывалился на улицу без масок.

Настоящий маскопад! Веселится и бунтует молодежь. Примета коронавируса-ного времени — карнавал без масок: *Ковидобунтари и идейные ковидодиссиденты*, отрицающие факт наличия вируса, *отказываются носить маски*. Между тем распространение COVID-19, и это признает ВОЗ, во многом зависит от поведения молодежи, которую поразил *вирус легкомыслия (шалопутства, разгильдяйства, головного мозга)*. Образный газетный заголовок «*Пляски с вирусом*» позволяет составить представление о непреодолимом тяготении к площадному смеху и веселью. Сообщается, в частности, что молодежь Новосибирска продолжает собираться на ночные уличные вечеринки. Не подчиняется *масочному режиму* молодежь в других странах. Оказывается, например, несостоятельным миф о дисциплинированности и сознательности немцев: *Полиция Берлина попыталась разогнать акции против ограничений из-за коронавируса* (ЭМ, 30.08.2020). Естественное стремление преодолеть запреты, вырваться на свободу является универсальным, но в то же время требует внутреннего сдерживания, регламентирования. Журналист Николай Добронравов, пытаясь осмыслить феномен *ковидодиссидентства*, отмечает, что *из-за бесшабашности потенциального разносчика инфекции (заразы)... оказывается прижатым к стенке большинство*. Он советует молодым людям *перетерпеть, переждать, пересидеть дома. А уж потом собраться и устроить... карнавалище* (РГ, 19.10.2020). Суровая реальность несовместима с площадным весельем.

Карантин — отец вдохновения

Жесткие ограничения безжалостно задевают сферы литературы, искусства, культуры, спорта. Язык, однако, фиксирует эффект неожиданности, подготовленный духовным сопротивлением: «*Ковиду вопреки*»; «*Вред на пользу*»; «*Коронавирус помог*» (газетные заголовки); «*Вирус искусства сильнее вируса короны*» (аксиологическое суждение). Для людей искусства изоляция не страшна: *Карантин — отец вдохновения*. Развивается *коронавирусная литература*. Яркий пример: 5 сентября 2020 г. стало известно, что писатель Павел Басинский и его соавтор поэт Екатерина Барбаняга на удаленке, за 3 месяца карантина, написали роман-диалог «Софья, уйди! Софья Толстая: взгляд мужчины и женщины» (15 авторских листов). *Коронавирусные* чтения текстов классической и современной поэзии и прозы ежедневно проходят в СМИ.

Новая нормальность вынуждает деятелей искусства овладевать новейшими технологиями — *виртуальными инструментами творчества и просветительства* (РГ, 03.06.2020). Креативная деятельность не прекращается. В речевой оборот входят антонимы *онлайн — оффлайн*. Музыканты и артисты, деятели кино стремятся вырваться из онлайн-ловушки, ср.: *Музыкальный фестиваль пройдет онлайн*; *Новый фильм молодого режиссера выйдет онлайн*; *Премьера Театра музыкальной комедии пройдет онлайн*; *Концерт рок-группы «Чайф» на крыше дома администрации Екатеринбурга прошел оффлайн*. Ср. также информацию о концерте в режиме оффлайн:

ФИНАЛ ПЯТИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВЕЧЕРОВ

В Екатеринбурге концертом *Дениса Мацуева* и Уральского академического филармонического оркестра завершился фестиваль фортепианного искусства *Green Royal Fest* на открытом воздухе. Напомним, на протяжении пяти дней известные музыканты выступали в Саду Вайнера (угол Первомайской – Тургенева).

В последний день на фестивале прозвучали концерт № 3 для фортепиано с оркестром *Бетховена* и концерт № 2 для фортепиано с оркестром *Рахманинова*.

Как оказалось, стены (а тем более заборы) музыке не помеха – послушать финальный концерт публика пыталась даже за оградой. Правда, о дистанции речь уже не шла.

Объявление о концерте в режиме оффлайн (ОГ, 18.08.2020)

Advertisement of an online concert (*Oblastnaya gazeta*, 18 March 2020)

Зрители мечтают увидеть любимых артистов в зрительном зале; артисты, вырабатывая эмоциональный иммунитет, делают всё, чтобы эта мечта стала реальностью: *Возможно, принцип «вопреки обстоятельствам» станет знаком 245-го сезона Большого театра, представившего афишу с названиями 17 премьер* (РГ, 04.09.2020). Переход в оффлайн сопровождается всеобщим ликованием: *«Слава Богу, не онлайн»*. В Екатеринбурге подвели итоги *X Международного фестиваля «Петрушка великий»*. С него в Свердловской области начался театральный сезон. Несмотря на пандемию, фестиваль собрал участников из разных городов России (ОГ, 16.09.2020).

Не сдаются музейные работники России, подхватившие опыт немецких коллег: *Корона идет в музей. Городские музеи по всей Германии... обратились к жителям с неожиданной просьбой: присылать им все примечательные свидетельства эпохи, связанные с коронавирусом. Как пишет портал Deutsche Welle, музейщики решили «заархивировать эпидемию, чтобы оставить о ней память для будущих поколений»* (РГ, 19.04.2020).

Неожиданные творческие решения находят живописцы: **КАРТИНЫ И КАРАНТИНЫ** (РГ, 16.11.2020). Как и в других случаях (ср. *Маску надел — позабыл про ИВЛ*), рифма, являющаяся приметой карнавализации языка,

«провоцирует сопоставление разных слов», «обнажает слово» [Лихачев, с. 27] и стоящую за ним *суровую реальность*, вопреки которой праздник искусства продолжается.

«Корона» завоевывает спорт

Ковидобунтари открыто протестуют против *онлайн-матчей*: шахматный онлайн-турнир, футбольный онлайн-матч; вирусные онлайны (множественное число маркирует переход слова в существительное): *За день до традиционного марафона Европа — Азия губернатор Свердловской области сообщил о том, что марафон пройдет онлайн*; *Всплеск эмоций вызвало сообщение о проведении забега онлайн*. Было видно, что решение об отмене стало полной неожиданностью (ОГ, 28.07.2020). Бурлит Интернет. Сообщается об одиночных пикетах протеста. Новые слова-иронизмы: *пикет-мен*, *пикет-вумен* (ср. *пикетчик*). Люди рвутся к непосредственному общению. Пустые стадионы наводят тоску.

Активно употребляются такие слова и словосочетания, как *Интернет*, *цифра*, *цифровой век*, *цифровой формат*, *цифровая активность*, *цифровизация*, *сеть*, *зум*, *безумный человек*, *поколение зумеров*. Игровые номинации с корнем *-зум-* обнаруживают экспрессивные приращения. Ощущается *зумусталость*, а *зумизация* автоматически рифмуется с *деградацией*. *Коронавирусная реальность* превратилась в *реальность виртуальную*. Коронавирус загнал людей в цифровую ловушку: *Пандемия COVID-19 открыла ящик Пандоры в сфере информационных технологий и приблизила человечество к тотальному переселению в виртуальный мир*. Человечество завоевала *онлайн-пандемия*. Глобальную зависимость от Интернета отражают метафорические сочетания: *«Живущие в планшетах»*; *«Рабство на дистанте»*; *«Ученье — сеть»*; *«Дети в сети»*. Эти и подобные газетные заголовки не требуют разъяснений. Новая *нормальность* полна неожиданными победами: *ЭКЗАМЕН НА КОРОНУ. Российские школьники завоевали золотые медали на международной олимпиаде по физике, <...> которая впервые прошла дистанционно*. Дистант дает новые уроки: *самоизолекторы*, *онлайн-учителя*, *онлайн-репетиторы*, *онлайн-консультанты* собирают тысячи пользователей. Образование продолжается в формате онлайн.

Как показало специальное исследование [Купина], карнавализация языка сопровождается всплеском метафоризации.

От обороны к наступлению

Конструирование образных аналогий осуществляется на фоне невиданного масштаба эпидемии, непредсказуемости ее развития. Сквозной является развернутая метафора войны [Чудинов, с. 103–113]: *Сейчас военное время. Мы на войне и пока не выиграли войну против ковида* (ТВЦ, 20.11.2020). В образные параллели включается военная лексика, например: *Невероятная битва против коронавируса развернулась во всем мире*. COVID-19 мыслится как коварный враг,

захватчик, оккупант: *Враг остается невидимым; Враг наносит удары по Англии, Германии, Испании, Италии; Коронавирус захватывает все новые и новые пространства* (РГ, 30.05.2020); *Ковидные снаряды поражают и пожилых, и молодых* (РГ, 20.11.2020); *Герои-медики стоят на передовой и борются за нашу жизнь*.

11 августа официально сообщили о том, что Россия первой в мире зарегистрировала вакцину: *Мы перешли от обороны к наступлению на COVID*. В названии вакцины — «Спутник» — ощущается русский космизм. Ликование и восторг охлаждают скептические реакции: *Препарат появился в короткий срок. Его эффективность не доказана...* В ноябре сообщается, что «Спутник V» *сработал на 92 %* (РГ, 12.11.2020). Кроме того, в России зарегистрирована вторая вакцина от коронавируса — «ЭпиВакКорона», и на подходе — третья (РГ, 18.11.2020).

Вакцины мыслятся как надежное оружие, с помощью которого можно и нужно *атаковать опасного врага*. В условиях международной конкуренции развивается диссидентство по отношению к вакцинам. *Антипрививочное движение (антивакцинаторство)*, по данным ВОЗ, объединяет людей, находящихся в тревожном опасном заблуждении (РГ, 09.11.2020). Ситуация меняется: уже к началу декабря, в соответствии с данными статистики, более половины россиян объявили о готовности вакцинироваться. Оптимистический прогноз: *Массовая вакцинация приведет к победе в третьей мировой войне против коронавируса*.

Трансформация пословиц и поговорок

Взрыв народного смехового начала обнаруживает себя в преобразовании пословиц и поговорок. Игровые креативные технологии: лексическая замена (*Всем пандемиям назло; После ковида в четверг; Квартира рубль бережет; Своя прививка ближе к телу; Не ковидом единым; Мастера на все ноги* — о волонтерах); переработка синтаксической и интонационной структуры высказывания (*Время есть. А деньги? Что посеем — пожнем?*). В отдельных случаях встречается сочетание двух способов трансформации прецедентного высказывания, например: *Ученые — сеть*. В данном случае наблюдается не только лексическая замена, но и усечение правого контекста. Игровая трансформация пословиц и поговорок способствует оживлению включенных в ситуацию пандемии аксиологических суждений.

Аксиологический взрыв

В языковой карнавал включаются аксиологемы, т. е. вербальные знаки базовых ценностей. Формируется аксиологический лексикон эпохи пандемии: *жизнь, здоровье, милосердие, внимание, забота, социальная защита, ответственность, поддержка, взаимопомощь, благотворительность, солидарность, справедливость, мужество, героизм, сила духа, душевность...* Ценностные предпочтения российской цивилизации комплексно реализуются в драматических и трагических

ситуациях. Россияне понимают: произносить вслух такие слова необходимо, так как слово лечит, снимает напряжение и стресс.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод о том, что карнавализация русского языка в период пандемии коронавируса проявляется в свободном развитии словесного воображения, взрыве массового лингвокреатива. Интенсивное образование новых, в том числе окказиональных, слов, нестандартных метафор, языковая игра, гротеск, неожиданная рифма — всё это способствует глубокому осмыслению правды жизни. Преобладающие в языковой реальности шутка, легкая ирония, насмешка преодолевают страх, тревогу, заставляют легче переносить трудности. Очевидна психотерапевтическая функция карнавального лингвокреатива, результаты которого, в частности, связаны с обновлением синонимии и антонимии, интенсивным развитием словообразовательных механизмов языка.

Особо следует отметить актуализацию аксиологического лексикона русской культуры. Прямая вербализация общенациональных базовых ценностей укрепляет единство и веру россиян в коллективную победу над эпидемией.

Сокращения

ОГ	Областная газета (Екатеринбург)
РГ	Российская газета
ТВЦ	телеканал «ТВ Центр»
ЭМ	Эхо Москвы

Исследования

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1965.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005.

Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3 (199). С. 5–13. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>

Лихачев Д. С. Смех как «мировоззрение» // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 7–90.

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Флинта : Наука, 2006.

Ремчукова Е. Н. Прагматическая и эстетическая ценность «массового креатива» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. VII. М., 2016. С. 157–167.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1985.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

References

- Bakhtin, M. M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Renessansa* [Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Chudinov, A. P. (2001). *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnye issledovaniia politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: Cognitive Study of the Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Gridina, T. A. (1996). *Iazykovaia igra: stereotip i tvorchestvo* [Language Game: Stereotype and Creativity]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Krysin, L. P. (2005). *Tolkovyi slovar' inoiazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo.
- Kupina, N. A. (2020). Pandemiia koronavirusa: metaforicheskaia diagnostika trevozhnoi real'nosti v tekstakh SMI [Coronavirus Pandemic: Metaphoric Diagnostics of Anxious Reality in Media Texts]. *Izvestiia. Ural Federal University Journal. Series 1: Problems of education, science and culture*, 26(3), 5–13. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>
- Likhachev, D. S. (1976). Smekh kak “mirovozzrenie” [Laughter as a “Worldview”]. In D. S. Likhachev, & A. M. Panchenko, *“Smekhovoi mir” Drevnei Rusi* [The “Laughing World” of Ancient Rus] (pp. 7–90). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie.
- Norman, B. Yu. (2006). *Igra na graniakh iazyka* [Playing on the Brinks of Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
- Remchukova, E. N. (2016). Pragmaticheskaiia i esteticheskaiia tsennost' “massovogo kreativa” [Pragmatic and Aesthetic Value of “Mass Linguistic Creativity”]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, VII, 157–167.
- Shmeleva, T. V. (1993). Kliuchevye slova tekushchego momenta [Key Words of the Current Moment]. *Collegium*, 1, 33–41.
- Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka* [Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk.

Купина Наталия Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Kupina, Natalia Aleksandrovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: natalia_kupina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>
Scopus AuthorID: 56604066600